

24.8.94.

Неизвестный Эрнст

■ Эрнст НЕИЗВЕСТНЫЙ у дома в Екатеринбурге, который должен был стать его музеем.

Самым знаменитым фактом биографии Эрнста Неизвестного продолжает оставаться скандал, учиненный ему Хрущевым. С тех пор прошли десятилетия. Художник уже давно живет в Америке. Он стал действительным членом различных академий, профессором престижных университетов и даже причислен к клану бессмертных в Королевской академии. Его скульптуры и панно обжили и заполнили собой пространство во многих странах в разных концах света. А на родине в связи с его именем по-прежнему вспоминают Манеж и искаженное гневом лицо генсека. Ничего не поделаешь, художник и власть — тема в России вечно болящая. И, видимо, неизбывная. Поэтому наш разговор с Эрнстом Иосифовичем, приехавшим в Москву по делам только учрежденного им благотворительного фонда поддержки и пропаганды русского изобразительного искусства, все-таки начался именно с этого.

— Действительно, конфликт художника и власти, по сути, чисто российский. Бесспорно, что в истории мировой культуры были трагедии, связанные с такими конфликтами, но это были трагедии личного плана. Такие, например, как судьба Фидия, изгнанного из Афин противниками его покровителя Перикла. Но чаще всего власть — политическая, церковная, денежная ли — всегда защищала художника от притязаний и гнета черни. Потому что художник был маг, и власть воспринимала его как равного себе. Общеизвестны взаимоотношения Микеланджело и папы. Художник поставил условие: никто не должен увидеть Сикстинскую капеллу до окончания работы, а папа боялся умереть, не увидев ее. Поэтому ему приходилось прокрадываться в храм по ночам, а Микеланджело, не слезавший с лесов, забрасывал непрошеного зрителя засохшим калом. И папа терпел такое отношение, да и что ему оставалось делать! Собственно, исторических примеров таким взаимоотношениям несть числа. А вот понятие "лишний человек" — это новинка XIX века.

— И чисто российский изобретение? — Да и можно сказать, что именно в России произошла эта трагедия — пути художника и власти разошлись. И разошлись кардинальным образом. Еще Державин был при-

дворным, и полноценным придворным. Во времена Пушкина и тем более при Лермонтовом это уже стало невозможным. Помните: "Зачем от мирных нег и дружбы простодушной вступил я в этот мир — завистливый и душный?" С этого момента художник и двор стали стремительно отдаляться друг от друга. А уж перед революцией ситуация была такова, что неудобным стало не быть в оппозиции к власти, и все крупные интеллектуалы всячески демонстрировали свою оппозиционность.

— Вы находите этому какие-то объяснения? — Да нет, объяснять — это дело историков и аналитиков. Я воспринимаю происшедшее как трагедию несправедливости русского двора. Как можно было не видеть, что произошло? Вот, например, судьба поэта Случевского. Это замечательный поэт, он в гораздо большей степени, чем Брюсов, мог претендовать на то, чтобы считаться предтечей поэзии модерна. Но он нигде не мог напечататься. И знаете, почему? Да он был товарищем министра внутренних дел. И его стихи не принимали не только журналы левой ориентации, но и те, кто был открыто правым или центристом, — публикация такого автора бросала тень на любого. А вот Дефо возглавлял разведку, философ Беко был служителем власти, и никому в голову не приходило упрекнуть их в этом. Так что происшедший в

России разрыв был действительно страшным.

Как это ни странно, первым почувствовал ненормальность такого положения Сталин. Он в какой-то степени воссоздавал монархию, формировал свой собственный двор и потому решил, что власть и интеллект должны составлять единое целое, как в пору процветания великих империй.

Если отринуть реальность, идеологически он был прав, только ничего хорошего получился у него не могло. Из известных трех различных способов правления — демократии, аристократии и охлократии — был избран или, вернее, сложился последний. То есть в стране воцарилась власть худших. И хотя наш вождь претендовал на роль всезнающего самодержца, на деле он таковым не являлся. В действительности создавалась охлократия, и именно худшие занимали все ключевые позиции как в государстве, так и в искусстве. Да одновременно в качестве рули-ментов героического серебряного века и революционного движения 20-х годов жили и творили великие писатели, художники, поэты, музыканты. Но постепенно они или были уничтожены, или отодвинуты в тень менее талантливыми коллегам. Так что ничего у Сталина не получилось. И даже временное вынужденное приближение лучших умов страны к власти во время войны (когда их вытащили из тюрьмы, чтобы они сделали атомную бомбу) ситуации не изменило. Так что и в мое время — а я ведь начинал при Сталине (моя первая серия "Война" была сделана задолго до его смерти) — официальный успех однозначно был признаком невысокости, и стили, и души.

— Это — нынешняя оценка событий тех лет или вы осознавали не стремились тогда к успеху? — Нет, я вырос в этом убеждении. Мой отец, бывший белый офицер, хирург, и мама, химик, вейсманист-морганист, поэт и писатель, приучили меня к мысли, что успех не-

приличен. Так было принято в нашей среде, так жили в моей семье. Надо честно и возможно лучшим образом делать свое дело — быть лечащим врачом, классным специалистом и не желать никаких официальных наград и признаний.

— И вы всегда следовали этим правилам?

— Я всегда был в них уверен, как и все в моем окружении. А потом была война, на которую я ушел добровольцем, и таких настроений не было, потому что война — это все совершенно другое. Когда же вернулся с фронта, изменился не только я сам, но и круг, в котором я вращался. Он очерчивался людьми, которые впоследствии стали известными политическими деятелями, философами, не хочу называть их фамилий, скажем так — все интеллектуальное окружение Брежнева, а потом и Горбачева. С этими людьми пришли и новые мысли. В моей студии дискутировалось, прилично ли, что называется, обслуживать власть впрямую, то есть достойно ли приличному человеку быть референтом в ЦК, служить в аппарате. Раньше

когда я делал надгробие Хрущеву, моему решению при-нять этот заказ воспротивились все друзья, хотя он был, как известно, уж совсем неофициальный. Они считали, что эта работа — позор для меня, и совершенно игнорировали мои объяснения, что это месье искусства политикам.

— Вы действительно так считали?

— Нет, это я врал для них. В действительности я решил, что художник должен быть добрее политика — иначе он не художник. И не может быть так же мстителен, как политик. С этим и работал. А гонорар выкинул, не из-за денег же я согласился делать этот памятник.

— А когда вы поняли, что стали этим самым нехорошим человеком — диссидентом?

— Да очень рано. Можно сказать, что меня как бы назначили в диссиденты. Еще до стычки с Хрущевым, во время венгерских событий, меня уже обвиняли в прессе в ревизионизме.

Почему именно в этом грехе?

— Ну откуда я знаю! У нас

ми жертвам сталинских репрессий, потому что дело не только в Сталине, это жертвы системы. Но мы отклонились. Так вот, мой личный опыт общения с новой властью очень смущает меня. Удивляет незаинтересованность, которая говорит о нравственной и сердечной глухоте власть предержащих. Это меня потрясает. Я не говорю о Ельцине — он все-таки дал на возведение монумента в Магадане 49 миллионов, гонорар за свою книгу. Это несущущий, но личный жест. Федеральный же бюджет выделил на весь нынешний год только 98 миллионов, из них поступило лишь 35, из которых, в свою очередь, вычитают налог на добавленную стоимость. Остальные деньги где-то прокручиваются банками и до Магадана доберутся неизвестно когда. Камилль Казев, архитектор проекта — на нем все, собственно, и держится, — не может оплатить труд рабочих, которые поверили ему и мне под честное слово и работали все короткое северное лето. Я стучусь во все двери и не могу добиться, чтобы мне ответили, когда нала-

НЕИЗВЕСТНЫЙ НЕ СТАЛ НАПОЛЕОНОМ. ПО

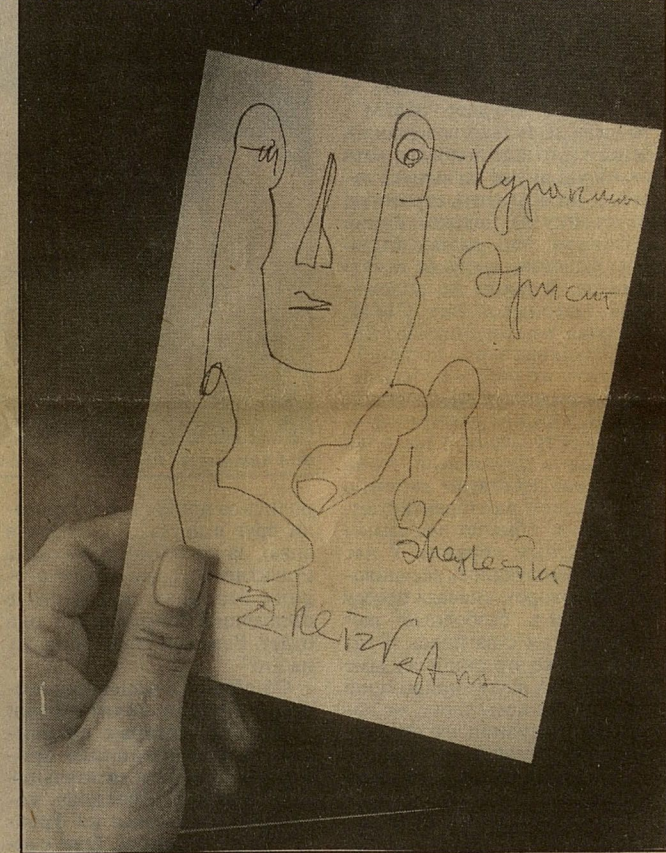
Журабма, 1994, 24 авг. — с. 8, 9.

отрост для меня мог быть только однозначным, сейчас уже нет. Осуждать людей, которые осознанно шли в Сперанские для того, чтобы изменить общество изнутри, из коридоров власти, нелегко. Хотя многие избрали другой путь, уйдя в чистую науку, потому что ни в какие перемены изнутри не верили. Я и сейчас не могу с уверенностью сказать, кто был прав. Ведь нельзя отрицать, что горбачевскую эру, да и самого Горбачева, в действительности подготовили люди, которые избрали путь Сперанского. Конечно, система изменилась не только благодаря их усилиям, сработал большой комплекс причин, но уж ружу к этому они приложили без сомнения.

— А вы сами к кому себя причисляете — к первым или ко вторым?

— Как художник-монументалист, который всегда стремился к большому государственному заказам, я существовал в очень двойственной ситуации. Как монументалисту мне просто необходим патронаж просвещенной власти — неважно, будет ли это государство, церковь или еще кто-либо иной. Скульптура не может родиться из воздуха, она требует многомиллионных затрат. А кто может дать эти деньги? Опять же государство, церковь, богатые люди. Значит, в какой-то степени я при-родный конформист. Да, природный конформист. С точки зрения взаимоотношения с властью. Ведь у меня никогда не было рялом просвещенного папы, как у Микеланджело, не было просвещенного Перикла, как у Фидия. Даже ни одного мецената, просвещенного буржуа, как у импрессионистов, и то не случилось. А государство, заказывая мне произведения, пыталось навязать нахудший вариант ее исполнения. За право оставаться собой, защищая свое достоинство человека и художника, приходилось постоянно бороться. То есть тяготеющий быть чьим-то Фидием, я, по существу, становился якобы диссидентом.

Так что, с одной стороны, мне, конечно, очень хотелось "выйти на стелу", с другой — всякая моя попытка получить официальный заказ или даже вероятность его получения сразу и однозначно оценивалась моим кругом как несомненное духовное поражение, как компромисс, хотя я считал, что на компромисс не шел никогда. А вот друзья воспринимали мои поступки именно таким образом. Даже

■ Автограф художника "Курантма".

абстракционист, троцкист, вейсманист — это ведь даже не понятия, а просто ругательные слова. В то время самыми плохими были ревизионисты. Помню, когда китайцы обвинили в ревизионизме Хрущева, он чуть не расплакался — обиделся, потому что таким себя не считал. Вот и меня так же обозвали. Можно считать, что создавали биографию. Я ведь помню, как Ахматова сказала Бродскому: "Иосиф, не очень-то стремись печататься, потому что твоя звездность немедленно начнет падать в сознании людей!"

— Все, о чем мы говорили до сих пор, — все же дела дней минувших. А как сейчас складываются ваши взаимоотношения с властью?

— В стране, где я сейчас живу, подобных отношений, как у нас, видимо, никогда не было и быть не может. Что же до России, то мне трудно издалека оценить, что происходит здесь, потому что я этого просто не знаю. Если же исходить просто из моего личного опыта, связанного с монументами и жертвам утопического сознания, как я их называю, мне очень не хотелось бы, чтобы они именовались памятника-

ментам.

Мы начинали работу совсем в иных, чем сегодняшние, условиях. Шли огромные жертвования, и деньги чего-то стоили. Теперь они девальвировались, достроенный до слезы, до глаза монумент опять будет законсервирован на зиму. Полагаю, что это будет не последняя зима. Я не могу не сказать вот о чем. Если российское правительство смогло взять на себя формальные долги Советского Союза, почему не должен быть выплачен нравственный долг, тем более что выплата эта совсем небольшая получается в цифровом выражении? Он необходим, этот монумент покаяния, для нынешней власти не обходимо — ведь ни для кого не секрет, что в ее креслах очень много бывших аппаратчиков. Нельзя же забывать, что, даже если они лично никакими репрессиями не замазаны, они все же люди партии, от имени которой все творилось. Сейчас есть такой великодушный шанс — объединиться всем политическим движением и завершить этот монумент вместе, продемонстрировав обществу, что наконец произошли отмежевание от горького

■ НЕИЗВЕСТНЫЙ в своей нью-йоркской мастерской за работой.

прошлого. Как сделали это католики, отмежевываясь от инквизиции, и ушли в будущее без тяжкого прошлого на своей совести. В правительстве идея не вызывает никаких противобидствий. Но и сдвигов никаких не происходит. Деньги на завершение проекта найти можно. Их уже предлагают молодые ребята, новое, невиданное еще в стране поколение. Но я жду пока ответа от тех, кто считает себя вершителями наших судеб. Мне хочется завершить эту работу так, как я задумал ее еще в 54-м, — ее воплощение должно стать поворотом во многих судьбах сразу. А такую задачу обзано решать государство. Власть, если хотите.

Для справки. Деньги для завершения магаданского монумента действительно предложил Сергей Овсянников, президент Межкомбанка, но благотворительные дары не вписываются, с точки зрения Неизвестного, в саму идею монумента покаяния в столице ГУЛАГа. Есть и еще один вариант, который мог бы разрешить кажущуюся неразрешимой задачу завершения работ в Магадане. Основанный Неизвестным и его друзьями благотворительный фонд мог бы оплатить все оставшиеся работы, если бы ему было разрешено выпустить — с налоговыми льготами — наборы раритетных медалей с изображением скульптуры Неизвестного "Золотой ребенок", которая уже осенью будет завершена и украсит собой морвокзал Одессы. Такое решение вопроса не требует от власти даже денег — только решения о предоставлении льгот, и все финансирование проекта фонд возьмет на себя. Но и на это предложение власть не дает определенного ответа. Не означает ли это, что родина ждет от своего прежнего гражданина шикарного жеста в виде вынужденного толстого кошелка? Не хотелось бы так думать, но уж очень на то похоже...

— А может быть, действительно, направить всю деятель-ность фонда в коммерческое русло, наладив на всяческие льготы и просто зарабатывать деньги, которые будут направляться на осуществление задуманных проектов?

— Но фонд был задуман и осуществлен не как вспомоществование "на бедность", а как инвестиции в творческий потенциал России. Нельзя забывать, что внуки эпохи "великой утопии" и дети родителей, не имевших возможности

воспользоваться своим наследством, живших из милости у опекунов на горьком казенном хлебе, теперь оказываются всемо сразу или умереть. То, что вместе с ними могут погибнуть и традиции русского изобразительного искусства, как видно, никого не волнует. Значит, надо помочь художникам вырваться из социального небытия. Кто это сделает? Власть преступно равнодушна и удивительно холодна. Поэтому мы и решили заняться этим делом.

С самого начала мы думали о том, как и чем можем помочь. И очень хотелось самим принять участие в возрождении традиций русского благотворительства, которые пода-рили нам Третьяковскую галерею и Пушкинский музей, что на сегодня исчерпывает примеры. Это кардинальная программа, мы старались тщательно разработать пути ее осуществления. Если ничего не получится, это не будет нашей виной — навязать добро невозможно. А не попытаться сделать добро тоже нельзя. Есть такие моменты в судьбе каждого человека, когда от нее как бы и не открутишься. Я совершенно точно ощущал это, когда мальчишкой совсем ухотился в Красную армию добровольцем. У меня было ощущение, что если я этого не сделаю, то История пройдет мимо меня. Так и сейчас. Я могу и должен помочь, хотя мне уже немало лет и, наверное, можно было заняться чем-либо более близким. Но если я сейчас откажусь от решения этой проблемы, она будет преследовать меня ну... до гробовой доски. Тогда-то мы с друзьями и помошниками и придумали структуру фонда и возможности для зарабатывания средств для его нормального функционирования. И все эти усилия направлять на то, чтобы в очередной раз закрыть огрехи работы государственной маши-

ны. Ну уж во-екты монумента обнародованы, сказал, что это и власть имущим должно поддаться и хочу сейчас на вопрос — или все-таки скажите об этом, я буду искать, создавшего: пока я живу от — Вы упомянули. След возвращением — Нет, не с того происхо-события. У меня ния на Солжени-чимост и суд изменить ник-тия. Я считал, что одна из фигур двадцати сказано почти в Солжени-рассматрива-трогает ухо, д-тий — ноту, на-цын — явление может нравит-виться, но он с как Солжени-вится его "Ма-му — "Ракве" — "ГУЛАГ", "колось" или значения не и диозное явле-но, человек с-точно попал в-ся шарниро-имеется в вид-фигуры всегд-нужный истор-не позже и не-ру, тезисы Л-даже мальчиш-ли то, что ск-свои тезисы к-в них были вс-строены, все-лической цер-леницын. Ет-секлась с ист-важно, это д-Причем вове-во всем с ним

Американское брачное агентство поможет рус-ским и женщинам создать семью в США. Адрес агентства: American Interaction, MA PO BOX 5105, Palantine, Illinois, 60078, USA. В письме (можно на русском языке, лучше на ан-глийском) должны быть указаны: — домашний адрес (печатными, по-русски); — профессия, би; — курите или ; — каким пре-будущего муж-как относит-мужа могут-предыдущего (пол, возраст); К письму приложите две фотографии: одну, одну крупным планом.

американского, который должен был стать его музеем.

рафии Эрнста Неизвестного. Художник стал действительным профессором престижного клана беси. Его скульптуры и пространство во вета. А на родине в вспоминают Манеж и Ничего не подела. России вечно большому наш разговор с им в Москву по де-творительного фюно-го изобразительно-енно с этого.

ним, и полноценным ворным. Во времена ина и тем более при Лерве это уже стало невозым. Помните: "Зачем от их нег и дружбы простоя вступил я в этот мир — тливый и душный?" С момента художник и стали стремительно отда друг от друга. А уж пе-волюцией ситуация бы-ова, что неудобным ста-быть в оппозиции к вла-и все крупные интеллек-вчески демонстриро-вою оппозиционность. Вы находите этому какие-снения?

Да нет, объяснять — это историков и аналитиков. Принимаю происшедшее заднюю непрощенно-усского двора. Как мож-ло не видеть, что про-по? Вот, например, суль-эта Случевского. Это за-ельный поэт, он в гораз-ышей степени, чем Брю-мог претендовать на то, с-читаться претечей по-модерна. Но он нигде не напечатался. И знаете, гу? Да он был товарищем стра внутренних дел. И тихи не принимали не о журналы левой ориен-и, но и те, кто был отро-о правым или центри-— публикация такого ав-рошла тень на любого. А ефо возглавлял разведку, соф Беко был слугите-пасти, и никому в голову хидило упрекнуть их в Так что происшедший в

приличен. Так было принято в нашей среде, так жили в моей семье. Надо честно и возможно лучшим образом делать свое дело — быть лечащим врачом, классным специалистом и не желать никаких официальных наград и признаний.

— И вы всегда следовали этим правилам?

— Я всегда был в них уверен, как и все в моем окружении. А потом была война, на которую я ушел добровольцем, и таких настроений не было, потому что война — это все совершенно другое. Когда же вернулся с фронта, изменился не только я сам, но и круг, в котором я вращался. Он очерчивался людьми, которые впоследствии стали известными политическими деятелями, философами, не хочу называть их фамилий, скажем так — все интеллектуальное окружение Брежнева, а потом и Горбачева. С этими людьми пришли и новые мысли. В моей студии дискутировалось, прилично ли, что называется, обслуживать власть впрямую, то есть достойно ли прилично человеку быть референтом в ЦК, служить в аппарате. Раньше

когда я делал надгробие Хрущеву, моему решению принять этот заказ воспротивились все друзья, хотя он был, как известно, уж совсем неофициальный. Они считали, что эта работа — позор для меня, и совершенно игнорировали мои объяснения, что это месь искусства политикам.

— Вы действительно так считали?

— Нет, это я врал для них. В действительности я решил, что художник должен быть добрее политика — иначе он не художник. И не может быть так же мстителен, как политик. С этим и работал. А гонорар выкинул, не из-за денег же я согласился делать этот памятник.

— А когда вы поняли, что стали этим самым нехорошим человеком — диссидентом?

— Да очень рано. Можно сказать, что меня как бы назначили в диссиденты. Еще до стычки с Хрущевым, во время венгерских событий, меня уже обвиняли в прессе в ревизионизме.

— Почему именно в этом гре-хе?

— Ну откуда я знаю! У нас

ми жертвам сталинских репрессий, потому что дело не только в Сталине, это жертвы системы. Но мы отклонились. Так вот, мой личный опыт общения с новой властью очень смущает меня. Удивляет незаинтересованность, которая говорит о нравственной и сердечной глухоте власть предержащих. Это меня потрясает. Я не говорю о Ельцине — он все-таки дал на возведение монумента в Магадане 49 миллионов, гонорар за свою книгу. Это нешуточный, но личный жест. Федеральный же бюджет выделил на весь нынешний год только 98 миллионов, из них поступило лишь 35, из которых, в свою очередь, вычитают налог на добавленную стоимость. Остальные деньги где-то прокручиваются банками и до Магадана доберутся неизвестно когда. Камилль Казав, архитектор проекта — на нем все, собственно, и держится, — не может оплатить труд рабочих, которые повесили ему и мне под четное слово и работали все короткое северное лето. Я стучусь во все двери и не могу добиться, чтобы мне ответили, когда нала-

НЕИЗВЕСТНЫЙ НЕ СТАЛ НАПОЛЕОНОМ. ПОКА НЕ СТАЛ

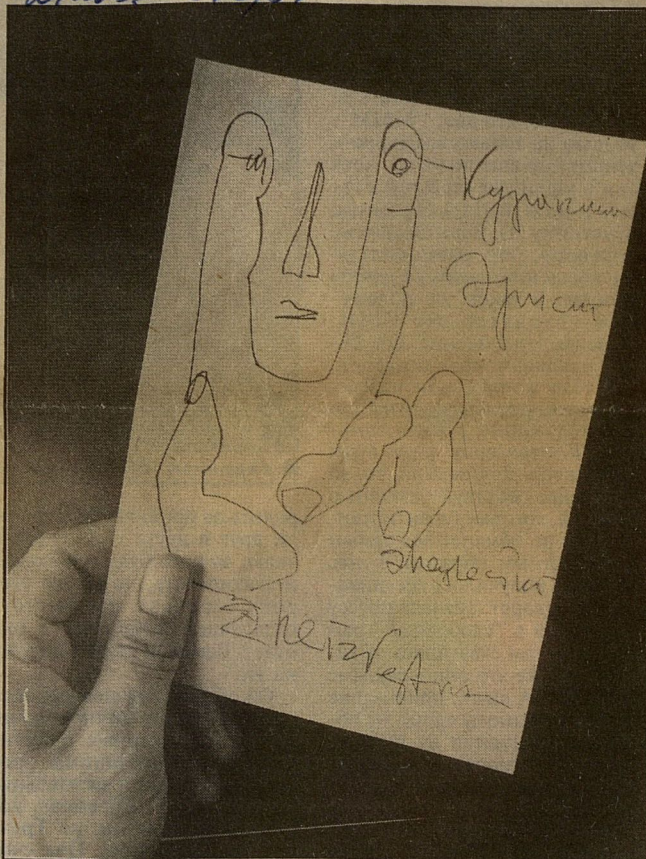
Курантам. 1994. Число. С. 8, 9.

откры для меня мог быть только однозначным, сейчас уже нет. Осуждать людей, которые осознанно шли в Сперанские для того, чтобы изменить общество изнутри, из коридоров власти, нелегко. Хотя многие избрали другой путь, уйдя в чистую науку, потому что ни в какие перемены изнутри не верили. Я и сейчас не могу с уверенностью сказать, кто был прав. Ведь нельзя отрицать, что горбачевскую эру, да и самого Горбачева, в действительности подготовили люди, которые избрали путь Сперанского. Конечно, система изменилась не только благодаря их усилиям, сработал большой комплекс причин, но уж руку к этому они приложили без сомнения.

— А вы сами к кому себя причисляете — к первым или ко вторым?

— Как художник-монументалист, который всегда стремился к большим государственным заказам, я существовал в очень двойственной ситуации. Как монументалисту мне просто необходим патронаж просвещенной власти — неважно, будет ли это государство, церковь или еще кто-либо иной. Скульптура не может родиться из воздуха, она требует многомиллионных затрат. А кто может дать эти деньги? Опять же государство, церковь, богатые люди. Значит, в какой-то степени я природный конформист. Да, природный конформист. С точки зрения взаимоотношения с властью. Ведь у меня никогда не было рядом просвещенного папы, как у Микеланджело, не было просвещенного Перикла, как у Фидия. Даже ни одного мецената, просвещенного буржуа, как у импрессионистов, и то не случилось. А государство, заказывая мне продукцию, пыталось навязать наихудший вариант ее исполнения. За право оставаться собой, защищая свое достоинство человека и художника, приходилось постоянно бороться. То есть тяготеющий быть чужим-то Фидий, я, по существу, становился якобы диссидентом.

Так что, с одной стороны, мне, конечно, очень хотелось "выйти на стену", а с другой — всякая моя попытка получить официальный заказ или даже вероятность его получения сразу и однозначно оценивалась моим кругом как несомненное духовное поражение, как компромисс, хотя я считаю, что на компромисс не шел никогда. А вот друзья-воспринимали мои поступки именно таким образом. Даже

Автограф художника "Курантам".

абстракционист, троцкист, вейсманист — это ведь даже не понятия, а просто ругательные слова. В то время самыми плохими были ревизионисты. Помню, когда китайцы обвинили в ревизионизме Хрущева, он чуть не расплакался — обиделся, потому что таким себя не считал. Вот и меня так же обозвали. Можно считать, что создавали биографию. Я ведь помню, как Ахматова сказала Бродскому: "Иосиф, не очень-то стремись печататься, потому что твоя звездность немедленно начнет падать в сознании людей"...

— Все, о чем мы говорили до сих пор, — все же дела дней минувших. А как сейчас складываются ваши взаимоотношения с властью?

— В стране, где я сейчас живу, подобных отношений, как у нас, видимо, никогда не было и быть не может. Что же до России, то мне трудно издалека оценить, что происходит здесь, потому что я этого просто не знаю. Если же исходить просто из моего личного опыта, связанного с монументами и жертвам утолического сознания, как я их называю, мне очень не хотелось бы, чтобы они именовались памятника-

дится финансирование.

Мы начинали работу совсем в иных, чем сегодняшние, условиях. Шли огромные похищения, и деньги чего-то стоили. Теперь они девальвировались, достроенный до слезы, до глаза монумент опять будет законсервирован на зиму. Полагаю, что это будет не последняя зима. Я не могу не сказать вот о чем. Если российское правительство смогло взять на себя формальные долги Советского Союза, почему не должен быть выплачен нравственный долг, тем более что выплата эта совсем небольшая получается в цифровом выражении? Он необходим, этот монумент покаяния, для нынешней власти не обходимо — ведь ни для кого не секрет, что в ее креслах очень много бывших аппаратчиков. Нельзя же забывать, что, даже если они лично никакими репрессиями не заманы, они все же люди партии, от имени которой все творилось. Сейчас есть такой великодушный шанс — объединиться всем политическим движениям и завершить этот монумент вместе, продемонстрировав обществу, что наконец произошло отмежевание от горького

НЕИЗВЕСТНЫЙ в своей нью-йоркской мастерской за работой.

прошлого. Как сделали это католки, отмежевываясь от инквизиции, и ушли в будущее без тяжкого прошлого на своей совести. В правительстве идея не вызывает никаких противодействий. Но и сдвигов никаких не происходит. Деньги на завершение проекта найти можно. Их уже предлагают молодые ребята, новое, невиданное еще в стране поколение. Но я жду пока ответа от тех, кто считает себя вершителями наших судеб. Мне хочется завершить эту работу так, как я задумал ее еще в 54-м, — ее воплощение должно стать поворотом во многих судьбах сразу. А такую задачу обязано решать государство. Власть, если хотите.

Для справки. Деньги для завершения магаданского монумента действительно предложил Сергей Овсянников, президент Межкомбанка, но благотворительные дары не вписываются, с точки зрения Неизвестного, в саму идею монумента покаяния в столице ГУЛАГа. Есть и еще один вариант, который мог бы разрешить кающуюся неразрешимую задачу завершения работ в Магадане. Основанный Неизвестным и его друзьями благотворительный фонд мог бы оплатить все оставшиеся работы, если бы ему было разрешено выпустить — с налоговыми льготами — наборы раритетных медалей с изображением скульптуры Неизвестного "Золотой ребенок", которая уже осенью будет завершена и украсит собой морвокзал Одессы. Такое решение вопроса не требует от власти даже денег — только решения о предоставлении льгот, и все финансирование проекта фонд возьмет на себя. Но и на это предложение власть не дает определенного ответа. Не означает ли это, что родина ждет от своего прежнего гражданина шикарного жеста в виде вынужденного толстого кошелька? Не хотелось бы так думать, но уж очень на то похоже...

— А может быть, действительно, направить всю деятельность фонда в коммерческое русло, наплевая на всяческие льготы и просто зарабатывать деньги, которые будут направляться на осуществление задуманных проектов?

— Но фонд был задуман и осуществлен не как вспомоществование "на бедность", а как инвестиции в творческий потенциал России. Нельзя забывать, что в эпоху "великой утопии" и дети родители, не имевших возможности

воспользоваться своим наследством, живших из милости у опекунов на горьком казенном хлебе, теперь оказались на улице и им предлагалось научиться всему сразу или умереть. То, что вместе с ними могут погибнуть и традиции русского изобразительного искусства, как видно, никого не волнует. Значит, надо помочь художникам вырваться из социального небытия. Кто это сделает? Власть преступно равнодушна и удивительно холодна. Поэтому мы и решили заняться этим делом.

С самого начала мы думали о том, как и чем можем помочь. И очень хотелось самим принять участие в возрождении традиций русского благотворительства, которые подарили нам Третьяковскую галерею и Пушкинский музей, что на сегодня исчерпывает примеры. Это кардинальная программа, мы старались тщательно разработать пути ее осуществления. Если ничего не получится, это не будет нашей виной — навязать добро невозможно. А не попытаться делать добро тоже нельзя. Есть такие моменты в судьбе каждого человека, когда от нее как бы и не открутишься. Я совершенно точно ощущал это, когда мальчишкой совсем ухвалил в Красную армию добровольцем. У меня было ощущение, что если я этого не сделаю, то История пройдет мимо меня. Так и сейчас. Я могу и должен помочь, хотя мне уже немало лет и, наверное, можно было заняться чем-либо более близким. Но если я сейчас откажусь от решения этой проблемы, она будет преследовать меня ну... до гробовой доски. Тогда-то мы с друзьями и помощниками и придумали структуру фонда и возможности для зарабатывания средств для его нормального функционирования. И все эти усилия направлять на то, чтобы в очередной раз закрыть огрехи работы государственной маши-

ны. Ну уж увольте. Когда объекты монументов только были обнародованы, Солженицын сказал, что это — дело святое, и власть имущие его слова радостно поддержали. Так вот я и хочу сейчас получить ответ на вопрос — святое это дело или все-таки нет? Если нет — скажите об этом открыто, не нужно это, мол, никому. Тогда я буду искать другие выходы из создавшегося положения. А пока я жду от власти ответа...

— Вы упомянули имя Солженицына. Следили ли вы за его возвращением на Родину?

— Нет, не следи и не знаю, что происходит вокруг этого события. У меня есть точка зрения на Солженицына, его значимость и судьбу, и ее не могут изменить никакие новые события. Я считаю, что Солженицын — одна из самых крупных фигур двадцатого века. Этим сказано почти все. Рассматривать Солженицына, как слепые рассматривают слона: один трогает ухо, другой — нос, третий — ногу, нелепо. Солженицын — явление целостное. Он может нравиться или не нравиться, но он состоялся именно как Солженицын. Кому нравиться его "Матренин двор", кому — "Раковый корпус", кому — "ГУЛАГ", кому — "Красное колесо". Или не нравится — значения не имеет. Он — грандиозное явление. И, бесспорно, человек судьбы, то есть он точно попал в то, что называется шарниром истории. Что имеется в виду? Определенные фигуры всегда обозначаются в нужных исторический момент, не позже и не ранее. К примеру, тезисы Лютера знали все, даже мальчишки на улице знали то, что сказал он, прибавив свои тезисы к дверям церкви. И в них были все социальные настроения, все претензии к католической церкви. Таков и Солженицын. Его личность пересеклась с историей. Это очень важно, это дано избранным. Причем вовсе не обязательно во всем с ним соглашаться. Но

уважать его необходимо. Хихиканье же и подначивание людей, ничего не доказавших своей жизнью, ничего по-настоящему не сделавших, их ерничанье по поводу Солженицына — это нехорошо.

Что же до его возвращения через Сибирь, через ГУЛАГ?.. Знаете, когда кто-либо что-либо критикует, он скорее подвергает критике не явление, не литературный процесс, не личность — нет, он открывает уровень своего представления о чем-то. Можно ведь и дантовское путешествие рассматривать как занимательный вояж в подземное царство. Будет ли прав критик, поступивший подобным образом? Да, будет, но эта правота не исчерпывающая, потому что труд Данте — величайший философский роман всех времен и народов и даже больше, больше. Так вот, люди, которые говорят, что Солженицын возвращается через Сибирь, чтобы привлечь к себе внимание и создать лишний шум, что это лишь поза, скорее всего рассказывают сами о себе. Потому что возвращается Со-

лженицын через Сибирь абсолютно естественно. Видимо, это — продуманная им в течение многих лет эпопея, мистерия под названием "Солженицын". И если бы он вдруг, как я, прилетел на самолете в "Шереметьево", вышел с чемоданом и охрана полведа бы его к гостинице "Савой", это был бы не Солженицын. Все.

Поставив таким образом точку в нашем разговоре, Эрнст Иосифович, сославшись на усталость, ушел отдыхать. Он действительно выглядел несколько утомленным, и, зная, что мой собеседник недавно перенес операцию на сердечных сосудах, я не стала больше терзать его вопросами. Поэтому о том, что называется планами на будущее, мне рассказывал генеральный директор фонда Неизвестного и его друг, тоже наш бывший соотечественник, Игорь Метелицын. Он говорил о том, что хочет, чтобы Эрнст поставил памятник "Древо жизни" — пятиметровый, он уже готов — в первую очередь в Москве, а не в Вашингтоне или в Нью-Йорке. Чтобы он сделал памятник Сахарову, решение о котором уже даже принято на правительственном уровне, но без усилий фонда его, вероятнее всего, не будет. Что фонд собирается финансировать установку креста на могиле Тарковского во Франции — ведь он русский режиссер и о его памяти должны заботиться тоже россияне. И что задуман памятник Ахматовой напротив Крестов в Петербурге. И что обязательно встанет памятник депортированному калмыцкому народу — Кирсан Илюмжинов как политик нового толка считает его возведение своим долгом. И это уже новая глава во взаимоотношениях художника и власти.

На мой вопрос, ставшие ли Неизвестным в своей новой, такой наполненной жизни, Игорь рассказал, что недавно после завершения работы над "Золотым ребенком" Эрнст признался, что он не достиг в своей жизни главного — не смог стать... Наполеоном.

И я, мысленно примерив знаменитую треуголку на его голову, вдруг поняла — вот оно, вот чего не доставало этой невысокой, но крепкой, словно вырубленной из глыбы, фигуре. Может, когда он все-таки почувствует себя Наполеоном, наконец, найдут примирение художник и власть. И случится это на нашей многострадной земле...

Ирина ЛОБАЧЕВА.
Фото Татьяны
ОСТРОВСКОЙ
и из архива
Эрнста НЕИЗВЕСТНОГО.